

# ПЛАН ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕАЛЬНЫМ

В № 14 от 13 апреля 1962 г. газеты «Советский артист» был опубликован проект перспективного плана театра на 5 лет. Это дало возможность обсудить его на собраниях в коллективах, а также на страницах нашей многотиражной газеты.

Почему в основном проект плана вызывает в коллективе отрицательное отношение? По-моему, здесь несколько причин. Что такое план? Из чего он складывается?

План работы такого творческого коллектива, как Большой театр, должен составляться, учитывая три основных момента: принципиальную репертурную политику театра, то есть его творческое лицо; возможности коллектива и запросы зрителей. И все это должно быть тесно связано с нашей современностью (я имею в виду не только тематику новых постановок, но и современный художественный язык).

Есть ли в проекте плана эти три положения? По-моему, лишь частично. Правильно сказал недавно на общетеатральном собрании Б. Покровский о том, что Большой театр — это театр не одного композитора, что наш театр — энциклопедия оперного и балетного искусства. И, конечно, надо, чтобы в плане предусматривались оперы различных композиторов разных стран и эпох (между прочим, таких, как В. Беллини и Г. Доницетти, участие в операх которых для артистов будет хорошей вокальной школой). Но главное, определяющее — это русский репертуар, это работа над современной темой (теперь уже ясно, что отсутствие второй сценической площадки во многом

◇  
**П. ЛИСИЦИАН,**  
**народный артист СССР**  
◇

сократило наш репертуар, а освоение сцены КДС не скоро позволит нам увеличить названия).

Может быть, количественно у нас с русскими названиями и не так уж плохо, все основное в репертуаре есть, но когда они идут редко (а иначе и нельзя при одной сцене), это вызывает справедливые нарекания зрителей. Будем надеяться, что планирование работы в текущем сезоне по циклам поможет нам правильно распределить спектакли с тем, чтобы генеральная линия театра была выявлена более отчетливо.

Второе. В проекте плана вызывает явное недоумение фраза: «опера советского композитора». А что за опера? Неизвестно. Может быть, это для резерва времени? Но ведь мы все прекрасно знаем, что, появившись завтра советские «Иван Сусанин» или «Пиковая дама», и любое другое название отодвинется. Так для чего же писать слепое «опера советского композитора»? Это неверно еще и потому, что в творческом багаже советских композиторов есть немало опер, достойных постановки на сцене Большого театра. Это не только опера С. Прокофьева «Семен Котко» («Любовь к трем апельсинам» в плане есть), но и опера Д. Шостаковича «Леди Макбет».

Смешно предъявлять претензии к нашей литературной части в том, что нет опер советских композиторов. Но в коллективе театра недавно почти на всех собраниях гово-

рят, что литературная часть скорее отталкивает, чем привлекает в театр новые имена, что работа, связь, общение с композиторами в сущности поручены одному работнику. А ведь он может и ошибаться, может и не знать специфики оперного искусства. Наша дирекция вместе с художественным руководством должна взять под свой непосредственный контроль работу с композиторами, а коллектив должен не только говорить о том, что вот, мол, нет опер, композиторы их не пишут, но и присутствовать на прослушиваниях, активно помогать и подсказывать композиторам темы и особенности нашего искусства. Тогда у нас будет больше уверенности; что через некоторое время композиторы и либреттисты принесут в театр свои сочинения. А сейчас от них довольно часто приходится слышать, что дирекция сама этим не занимается, а контакт с литературной частью их не удовлетворяет.

В проекте плана не предусмотрены, на мой взгляд, возможности оперной труппы. В России и в СССР партию Лоэнгрина всегда исполнял лирический тенор (Л. Собинов, И. Козловский). Сейчас в труппе нет артистов, равных им по своему дарованию. Так почему же опера Р. Вагнера «Лоэнгрин» все же включается в проект плана?

В названиях, указанных в проекте, будут заняты далеко не все солисты оперы. Споры нет, всех всегда занять и нельзя, но максимально — надо. В противном случае у артистов будет творческий простой, снизится квалификация.

Проект плана, с одной стороны, не учитывает возможностей труппы, а с другой, не использует их.

Коллектив солистов оперы в последние годы пополнился молодежью (правда, в самое последнее время притока новых сил нет, и это очень плохо). И этой молодежи нужно больше и чаще выступать на сцене. В проекте плана я не вижу большой работы для наших молодых артистов, которым равно необходимо и полезно участвовать в операх Д. Верди и П. Чайковского, С. Прокофьева и Д. Шостаковича.

И, наконец, последнее. Зрители всегда ждут от Большого театра высокохудожественных спектаклей, всегда ждут наших премьер. И мы не вправе пренебрегать их вкусами. И если «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», «Садко» и «Князь Игорь» являются альфой и омегой нашего репертуара, то все другие спектакли театра (я имею в виду новые постановки) по своим идейно-художественным качествам должны быть еще сильнее, должны ставиться по современному, то есть с учетом всех современных средств сценической выразительности, с точки зрения советских художников.

Хочу выразить надежду, что руководство театра учтет замечания работников коллектива и в начале будущего сезона представит труппе реальный план работы, который улучшил бы деятельность нашего коллектива, принес радость труппе и зрителям.

Добавлю еще, что хорошо осуществить план мы сможем тогда, когда будем не только говорить, но и делать: работать быстрее, работать ответственнее, работать вдохновеннее. Но для этого надо верить в план. И мы ждем такого плана к началу следующего сезона.

Советский артист, 1962, 22 июня